

В доме мгновенно воцарилась тишина. Шэнь Цинжань просидел на корточках так долго, что у него затекли ноги, но от главной героини не донеслось ни звука в ответ.

Шэнь Цинжань почесал затылок. Не должна же героиня быть настолько трусливой.

Может, сказать пару слов по-английски?

Шэнь Цинжань на одном дыхании сменил шесть иностранных языков, чтобы поприветствовать её, но ответа так и не последовало.

Его руки и ноги похолодели: неужели он обознался и перепутал человека?

Но ведь эта девчушка — тёзка героини, и по сюжету он своими глазами видел, как она вела хозяйство на протяжении двух миллионов знаков, разве тут могла быть ошибка?

В доме Пань всё равно никого не было. Поддавшись панике, Шэнь Цинжань выбрался из-за стога сена, пробрался во двор и в несколько прыжков очутился у каморки, где заперли девушку.

Дверь была заперта на наружный засов, но замка не было — Шэнь Цинжань сдвинул его одним движением.

В то же мгновение, как дверь распахнулась, худенькая девчушка в легком темно-синем платье резко сжалась в комок. Она робко посмотрела на вошедшего и, узнав в нём ту самую немую сестрицу, что спасла её сегодня утром, залилась слезами.словно обретя спасителя, она бросилась к Шэнь Цинжаню.

— Там снаружи какой-то странный человек бормотал заклинания... Прямо как в тех историях, что я слышала в чайном доме. Неужели это злой монах-чернокнижник хотел известить меня... — Пань Юньси рыдала навзрыд, задыхаясь от слёз.

Оказывается, она просто так перепугалась, что побоялась издать хоть звук.

— Мне было так страшно... Прости меня, я не смогла позвать никого, чтобы вытащить тебя из воды, я такая никчёмная...

Лицо Шэнь Цинжаня сделалось абсолютно пустым и отрешённым, словно из него в одно мгновение вынули внутренний стержень, лишив руки и ноги всяких сил.

Главная героиня... не пришла. Она не была попаданкой.

Шэнь Цинжань похлопал Пань Юньси по плечу. Девочка учила буквы по книгам брата, так что они кое-как могли понимать друг друга. Он путано растолковал ей на бумаге, что никакого злого монаха не было — в конце концов, это ведь он сам напугал бедняжку до слёз. Дождавшись, пока она перестанет плакать, Шэнь Цинжань пообещал принести ей в качестве извинения охапку сахарного тростника на лакомство, после чего подхватил оставленную у двери мотыгу и в полном смятении побрёл прочь.

Пань Юньси испугалась, и он её утешил. Но его самого до смерти напугал этот проклятый сюжет — и кто теперь утешит его?!

Главная героиня оказалась обычной местной девочкой, что же ему теперь делать?

Неужели действительно придётся покорно пахать землю, трудясь от восхода до заката, или же

безропотно двигаться навстречу финалу второстепенного персонажа оригинала?

Шэнь Цинжань вынужден был признать: он до последнего питал иллюзии. Сколько бы раз он ни клялся Сюэ Фэйфэну, что станет примерным крестьянином, в глубине души он по-прежнему рассчитывал устроиться к героине счетоводом и разбогатеть за счёт умственного труда.

Сюжет безжалостно вlepил ему звонкую оплеуху.

У него не было ни таланта к фермерству, ни капли рвения; он был ленив и любил вкусно поесть — Сюэ Фэйфэну несказанно не повезло связаться с таким нахлебником. Какая от него польза, если он просто продолжит сидеть на шее у генерала?

Шэнь Цинжань крепче сжал пальцы и лишь тогда заметил, что всё ещё держит мотыгу.

Зачем он сказал Сюэ Фэйфэну, что идёт на улицу? Точно, полоть сорняки на поле сахарного тростника.

Словно юный господин из знатного рода, в один миг лишившийся всей своей опоры, он, желая доказать, что на что-то способен, неумело попытался заняться крестьянским трудом.

Крошечная искра упрямого рвения подстегнула его силы. Шэнь Цинжань выбрал участок поля, где сорняки разрослись гуще всего, и принялся за работу.

Явившись на экзамен с одной лишь ручкой, двоечник Шэнь Цинжань добрых полчаса мучительно вспоминал, как вообще правильно держать мотыгу.

Перепробовав кучу положений и наконец поймав нужное ощущение в руках, Шэнь Цинжань, полный уверенности и сил, высоко замахнулся и точным ударом направил лезвие к пучку травы у самого основания тростника.

Раздался резкий хруст. Под ошеломлённым взглядом Шэнь Цинжаня двухметровый стебель сахарного тростника переломился ровно посередине и плавно повалился на землю, увлекая за собой ещё три соседних куста.

Осечка.

Шэнь Цинжань подвёл итог: этот сорняк рос слишком разлаписто и ввёл его в заблуждение, помешав разглядеть корень. Удар пришёлся слишком высоко, вот тростник нечаянно и пострадал.

Надо попробовать ещё раз.

В следующую секунду земля у основания другого стебля оказалась слишком сильно подкопана. Шэнь Цинжань от избытка усердия пошатнулся, задел плечом тростник, и рухнул ещё один куст.

Шэнь Цинжань покачал головой: «Я ведь только слегка опёрся на него. Этот тростник пустил слишком неглубокие корни, вырос каким-то хлипким».

Спустя полчаса.

Стебли тростника валялись на земле в полном беспорядке — одни короче, другие длиннее, — словно дикий кабан спустился с гор и всю ночь напролёт с визгом резвился и катался по полю.

Шэнь Цинжань бросил сломавшуюся мотыгу, у которой железное лезвие отвалилось от деревянной рукояти, и с бьющимся от страха сердцем принялся один за другим втыкать поваленные стебли обратно в рыхлую землю.

Ему нужно было побыть в тишине.

Шэнь Цинжань устроился на меже, крутя в пальцах тонкую травинку. Он часто видел, как люди расхаживают, держа такую во рту — вроде как для разгона скуки.

Он насупился, скручивая траву в тугой узел, и всё отчётливее понимал, насколько он здесь чужой.

Он даже травинку в рот сунуть не может, какое ему вообще ведение хозяйства?

Ради того, чтобы его действия хоть как-то соответствовали облику заправского пахаря, он, сцепив зубы, даже скинул сапоги и пошёл по полю босиком. Теперь он разглядывал свои белые пальцы ног, под ногтями которых скопилась чёрная грязь. На тыльной стороне стопы запеклась кровь — это он по собственной оплошности заехал себе мотыгой. Благо успел вовремя отдёргнуть ногу, иначе эта новенькая мотыга превратила бы его во второго калеку в доме.

Поле, полное перекошенного и подбитого тростника... Он до последнего не хотел признавать поражение, и вот результат оказался плачевным. Как теперь оправдываться перед Сюэ Фэйфэном?

Шэнь Цинжаню было попросту страшно возвращаться домой.

Раньше он не прикасался к крестьянскому труду и расхаживал гоголем, поскольку свято верил, что через главную героиню приведёт Сюэ Фэйфэна к вершинам успеха — долг платежом красен.

Теперь же Шэнь Цинжань с предельной ясностью осознал одну вещь.

Он, скорее всего, попросту уморит Сюэ Фэйфэна голодом вместе с собой.

...

Смотря вслед Шэнь Цинжаню, который так отчаянно рвался прочь из дома, Сюэ Фэйфэн в порыве чувств едва не раздавил в руке костыль.

Костыли были идеально чистыми. После того как Шэнь Цинжань отмылся добела, первым делом он тщательно ополоснул костыли Сюэ Фэйфэна от грязи, вытер их тряпкой и долго, сосредоточенно сушил у печи. Если бы Шэнь Цинжань готовил еду с такой же тщательностью и прилежанием, его стряпня не пригорала бы через раз.

Вспомнив этот прилежный силуэт со спины, Сюэ Фэйфэн ослабил хватку, не став окончательно ломать дерево. Он не понимал, почему Шэнь Цинжань, будучи с виду смышлёным, упорно хранит верность какому-то подонку. С одной стороны — ветреный и беззаботный, с другой — упрямый до крайности: сколько бы раз его ни обижали, он всё равно преданно бежит следом.

Сюэ Фэйфэн подавил в себе яростный порыв силой вернуть его, запереть в комнате и заставить переосмыслить своё поведение, и с трудом удержался от погони. Во-первых, у него не было законного права указывать Шэнь Цинжаню: Ли Фэн погиб, и в каком-то смысле Шэнь Цинжань

теперь был вольной птицей. Во-вторых, «супруге» давно пора было избавиться от иллюзий — пусть своими глазами увидит, как Пань Юньшань идёт на смотрины к другой. Пока не расшибёт лоб о южную стену, не повернёт назад.

Впрочем, первый довод не выдерживал никакой критики — Сюэ Фэйфэн и сам в него не верил.

Прикинув время, он, в конечном счёте испугавшись, что Шэнь Цинжаня снова кто-нибудь обидит, собрался выйти на поиски.

В этот момент явился Чан Мин. Он притащил с собой целый узел сборов для сохранения беременности; лицо его было мрачнее тучи — парень чувствовал себя так, словно собственными руками помогает госпоже наставлять генералу рога.

Чан Мин с глубоким сочувствием посмотрел на Сюэ Фэйфэна:

— Хозяин, на лекарствах сделаны пометки. Каждого вида я купил по три порции, принимать раз в три дня. Лекарь-чудотворец сказал, что без проверки пульса невозможно точно определить состояние, поэтому выписал лишь общеукрепляющие и питающие отвары.

На самом деле лекарь вовсе не был таким чутким. Стоило ему услышать про сроки, как он тут же злорадно ухмыльнулся, глядя на Чан Мина: «Погоди-ка, объясни поточнее: вашему генералу нужны сборы, чтобы сохранить плод или чтобы избавиться от него?»

От этого вопроса Чан Мин едва не выдрал ему всю фальшивую бороду от злости.

Теперь, снова оказавшись перед этими лекарствами для беременных, Сюэ Фэйфэн не ощутил в душе ни единого всплеска эмоций — куда больше его сейчас терзало поддельное имя Ли Фэна.

— Как дела насущные?

Чан Мин доложил:

— Как хозяин и предполагал, на севере с наступлением зимы боевые действия утихли.

Сюэ Фэйфэна это не удивило. Он ещё несколько месяцев назад приказал своим людям следить за припасами, отправляемыми в город Янчэн. Он подозревал, что этот город служит перевалочным пунктом, откуда племена Бэйхуэй тайно вывозили ресурсы из империи Великой Ци. На севере зимы холодные и засушливые; едва наступают холода, трава вянет, скот истощается. В позапрошлом году у Бэйхуэй вспыхнул мор, унёсший бесчисленное множество жизней, после чего они принялись неистово грабить приграничные земли. Сюэ Фэйфэн ни за что бы не поверил, что они способны так долго вести войну с Великой Ци, опираясь исключительно на собственные запасы провианта.

Стоило перекрыть каналы снабжения, как Бэйхуэй тут же свернули военные действия. Нетрудно догадаться: на линии от Цзяннани до Янчэна и далее к Бэйхуэй присосалось немало пиявок, которые пили кровь из собственного народа, чтобы досыта накормить чужеземных волков.

Прежде Сюэ Фэйфэн не вмешивался в эти дела. Он командовал войсками на границе, а тылом заправлял наследный принц, которому генерал доверял как самому себе. Лишь после того, как принц вонзил ему нож в спину, Сюэ Фэйфэн осознал: Сюэ Лифэн — недалёковидный и завистливый правитель.

Вскармливая заразу и плодя гниль, он наобещал Бэйхуэй слишком много благ, из-за чего империя Великой Ци, вероятно, давно уже была источена врагами вдоль и поперёк.

Проверка показала, что так оно и было.

— А что насчёт службы охраны «Тянься»? — когда-то при создании агентства «Тянься» было чётко оговорено, что они не станут совершать поступков во вред императорскому двору.

Глава поместья Му Вэнькоу, несмотря на молодые годы, обладал весьма глубоким и расчётливым умом. Сюэ Фэйфэн и прежде был наслышан о нём, но не думал, что у парня так рано испортятся мозги.

— Из того, что удалось разузнать: та партия лекарственного сырья и серы была принята янчэнским управляющим втайне от главы Му. Даже капитан судна в тот момент не знал об истинном назначении груза. После того как хозяин чужими руками разгромил разбойников и весть дошла до поместья, Му Вэнькоу полностью сменил всех людей в окрестностях Янчэна.

Цао Тунфан был человеком неотёсанным и невежественным, однако держал в страхе всю округу — за его спиной явно стоял сильный покровитель, которого поместье «Тянься» теперь задело самым беспощадным образом.

Поговаривают, Му Вэнькоу, прочитав донесение и узнав, что заварившая кашу певичка оказалась неизвестно какого пола — то ли мужчиной, то ли женщиной, — лишь холодно усмехнулся и приказал всем подчинённым службы охраны три дня ходить в женских платьях в качестве малого наказания и предостережения.

В те три дня все конвои службы охраны, как по команде, выбирали исключительно самые глухие и безлюдные тропы.

Чан Мин прыснул со смеху. Они с братьями от нечего делать силой притащили с собой Чан Суя и уселись в кустах, наблюдая, как толпа здоровых мужиков в розовых платьях с бахромой сопровождает груз. Он и Чан Бай хохотали так громко, что едва не подрались с охранниками.

Хотя хозяин и разочаровался в императорском дворе, его вражда с Бэйхуэй оставалась непримиримой. Оставить военные дела вовсе не означало, что он станет безучастно смотреть, как из Цзяннани врагу переправляют провиант.

Чан Мин изобразил на лице вселенскую скорбь: когда же хозяин вернётся на поле брани?

...

Сюэ Фэйфэн отдал Чан Мину несколько распоряжений, что заняло некоторое время. Когда же он наконец вышел за порог, то понятия не имел, где искать Шэнь Цинжана.

Семья Пань отправилась свататься в дом Ли Дадао (Большой Нож). Сюэ Фэйфэн не знал, где тот живёт, и, поразмыслив, решил для начала проверить дом Пань.

Проходя мимо реки, он застал четырёх или пять женщин, которые стирали бельё и всюсю чесали языками. Шэнь Цинжань и Сюэ Фэйфэн были постоянными героями их пересудов, но сегодня объектом сплетен стал Пань Юньшань.

— Вы ходили сейчас смотреть на это представление? В доме Ли Дадао такое завертелось!

— Ли Дадао души не чает в своей дочке, как только у этих Пань духу хватило... Настоящая потасовка вышла между этой троицей! Дадао на то и Большой Нож — даже фамильный тесак вытащил!

— Семейка Пань уже несолоно хлебавши убралась восвояси. Ты из-за своей свиньи всю потеху пропустила.

— А ну-ка расскажи поподробнее...

Сюэ Фэйфэн расслышал обрывки фраз про «троих людей» и «тесак». Лицо его мгновенно переменилось: испугавшись, что Шэнь Цинжань пострадал, он, улучив момент, пока вокруг никого не было, отбросил костыли и с помощью техники легкости устремился к дому Пань.

Ещё вчера идеально ровное поле сахарного тростника теперь выглядело как-то странно и куце. Сюэ Фэйфэн скользнул взглядом по меже и заметил понурый силуэт, сидевший на краю поля. Шаги его тут же замерли.

Пройдя сквозь полуживые, поваленные стебли, Сюэ Фэйфэн напрямик направился к маленькому немому, который уткнулся головой в колени. С каждым шагом лицо генерала становилось всё мрачнее.

Он окинул взглядом окрестности: срубленный кое-как тростник был наспех и фальшиво воткнут обратно в землю, напоминая побитые, волочащиеся по грязи знамёна разгромленной армии.

«Так сильно разбито сердце, что он принялся крушить тростник, чтобы излить душу?»

— Шэнь Цинжань, — окликнул его Сюэ Фэйфэн. Увидев, как этот несчастный комочек медленно поднимает голову, он, скрепив сердце, спросил: — Разочаровалась?

Шэнь Цинжань уныло кивнул: «Ещё как разочаровался».

— Всё ещё собираешься искать его (ее)?

«Не стану больше искать, главная героиня ведь не пришла».

Шэнь Цинжань снова покачал головой и вдруг резко встрепенулся: откуда Сюэ Фэйфэн знает, что он ходил искать героиню? Неужели его желание найти надёжную опору было настолько очевидным?

Видя, как послушно и смиренно ведёт себя Шэнь Цинжань, Сюэ Фэйфэн растерял добрую половину своего гнева. Оставшиеся крохи злости бесследно улетучились, стоило ему заметить рану на тыльной стороне его стопы.

В потасовке с тесаком Шэнь Цинжань, очевидно, всё-таки пострадал.

Сюэ Фэйфэн опустился перед ним на корточки, протянул руку и властным, непреклонным движением перехватил лодыжку Шэнь Цинжаня, слегка приподнимая её. Достав из-за пазухи флакон с мазью от ран, он одной рукой вытащил пробку и принялся сыпать целебный порошок на порез.

— С-с-с... — Шэнь Цинжань резко втянул воздух от пронзительной боли, вмиг позабыв о попытках разгадать скрытый смысл их разговора.

Он попытался отдернуть ногу, но Сюэ Фэйфэн лишь крепче и надёжнее зафиксировал её в своей широкой ладони.

— Больно — значит, запомнишь.

Сюэ Фэйфэн бросал суровые слова, но движения его рук непроизвольно становились всё мягче. Он пристально разглядывал изящную, гладкую лодыжку Шэнь Цинжана: его ладони с избытком хватало, чтобы полностью обхватить её. Казалось, заставлять такие ноги ходить по грязной земле было настоящим кощунством, а теперь на коже красовались две раны, которых там быть не должно.

Ослеплённый ревностью великий генерал даже не задумался о том, почему при «потасовке на ножах» у парня оказалась повреждена только стопа.

Шэнь Цинжань опустил взгляд на Сюэ Фэйфэна: волевые, чёткие черты лица, этот мужчина был до безумия красив и непозволительно добр к нему.

Его губы беззвучно зашевелились. Поколебавшись, он мягко похлопал Сюэ Фэйфэна по плечу и озвучил решение, к которому пришёл за те полчаса одиноких раздумий:

«Ты лучше разведись со мной». Иначе ты просто умрёшь с голоду из-за меня.

Он не издал ни звука, но знал, что Сюэ Фэйфэн прекрасно всё понял по губам.

Зрачки Сюэ Фэйфэна резко сузились. Он никак не ожидал, что окончательный разрыв Шэнь Цинжана с Пань Юньшанем приведёт «жену» к подобной мысли.

В одно мгновение вся накопившаяся за последние дни тоска, гнетущее чувство вины и мучительный самоанализ развеялись без следа, словно порыв ветра беззвучно угнал прочь последнюю лёгкую тучку с высокого небосвода.

Все внутренние метания лишились всякого смысла. Достаточно было одной этой фразы Шэнь Цинжана, чтобы Сюэ Фэйфэн с предельной отчётливостью разглядел в глубине своей души единственно верный, непреклонный выбор.

Небо было бескрайним, земля — безмолвной.

Никогда прежде разум Сюэ Фэйфэна не был столь кристально чист, словно туман рассеялся, явив чистый лик небес.

Он пристально посмотрел в ясные глаза Шэнь Цинжана, похожие на крылья ласточки, омытые весенней водой, и чеканно произнёс каждое слово:

— Ишь, чего захотела. Мечтать не вредно.

<http://bllate.org/book/17933/1732819>